

УДК 82-32
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-2-148-154

Мотив тайны в календарных рассказах А. П. Чехова 1883–1887 годов

Я. О. Козлова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается мотив тайны в календарных рассказах А. П. Чехова 1883–1887 гг.

В ранних рассказах Чехова («Кривое зеркало» (1883), «Страшная ночь» (1884), «То была она!» (1886) и др.) мотив тайны связан со стремлением писателя развенчать веру в сверхъестественные начала. Попытки героев узнать свою судьбу, прибегая к гаданиям, приметам, обрядам и различным эзотерическим практикам, оканчиваются «отрезвляющим» столкновением с действительностью. Мистические явления объясняются посредством логики, мотив тайны нередко реализуется в юмористическом модусе.

В святочном рассказе «На пути» (1886), написанном в период формирования «зрелого» творческого мировоззрения писателя (1886–1887 гг.), мотив тайны видоизменяется, приобретая бытийный характер. В повествовании отсутствуют мистические и комические элементы, автор задается вопросами о высшем смысле существования человека.

Мотив тайны обнаруживается во многих произведениях писателя, обладающих календарной приуроченностью, видоизменяясь одновременно с пересмотром А. П. Чеховым своей творческой программы.

Ключевые слова

А. П. Чехов, раннее творчество, календарный рассказ, мотив тайны, психологизм

Для цитирования

Козлова Я. О. Мотив тайны в календарных рассказах А. П. Чехова 1883–1887 годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 2: Филология. С. 148–154. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-2-148-154

The Motif of Mystery in Calendar Short Stories of A. P. Chekhov 1883–1887

Ya. O. Kozlova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article traces the changes in the mystery motif in Chekhov's calendar short stories of 1883–1887. The motif of mystery is frequent in Chekhov's works, but still it is quite underresearched in studies dedicated to his calendar short stories. In his early calendar short stories (*Fortunetellers and Wisewomen* (pre-New Year pictures), (1883), *The Mirror* (1885), *The False Mirror* (1883) etc.), that are dedicated to the Church and the secular system of the calendar, the mystery motif of the world correlates with the everyday level: characters vainly try to peek behind the veil of creation mystery, because they are obsessed with legends and superstitions in their minds, as well as various non-traditional (esoteric and spiritual) practices.

A. P. Chekhov mocks the concept of mystery that is frequently found in his earlier stories. Chekhov condemns those who believe in demonic powers and spiritism, opposing logic and common sense to mysticism.

In 1886–1887 A. P. Chekhov's manner turns to psychological realism. There begins a revision of his creative work. The motif of unknowability also evolves, acquiring ontological features.

Keywords

A. P. Chekhov, first writings, calendar short stories, the mystery motif, psychologism

For citation

Kozlova Ya. O. The Motif of Mystery in Calendar Short Stories of A. P. Chekhov 1883–1887. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 2: Philology, p. 148–154. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-2-148-154

© Я. О. Козлова, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 2: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 2: Philology

На протяжении всего творческого пути А. П. Чехов испытывал интерес к вечным вопросам-загадкам о существовании высшего начала, смысле жизни, этическом содержании понятий зла и добра. Эти вопросы входят в проблематику таких произведений Чехова, как «В рождественскую ночь» (1883), «Святой ночью» (1886), «Верочка» (1887), «Убийство» (1895), «Архиерей» (1902) и др. И. С. Шмелев подчеркивает, что для А. П. Чехова разрешение тайн бытия составляет «его прирожденную основу <...> он всегда мыслитель, всегда искатель, творит сердцем и поэтому творчески религиозен» [Шмелев, 1995. С. 57]. Именно обращением к комплексу вопросов о непостижимости бытия и соотношении добра и зла в существовании человека объясняется частотность в чеховских произведениях мотива тайны и мотива страха перед непознаваемым.

Писателя, несомненно, привлекала тема непознания и загадочности некоторых явлений бытия («Страхи» (1886), «Ведьма» (1886), «Калхас» (1886), «Черный монах» (1893) и др.). Многие его произведения посвящены таинственным и не поддающимся разумному объяснению событиям, происходящим во время святок, празднования Нового года, Рождества, Крещения, Пасхи. Так, Е. В. Душечкина рассуждает о «внутренней, вполне органичной потребности Чехова считаться в своем творчестве с календарем и острым переживании им календарного времени» [Душечкина, 1995. С. 219].

Произведения, обусловленные календарной приуроченностью и обладающие соответствующим сюжетным наполнением, называют календарными. К типологическим признакам календарной словесности можно отнести: а) тесную связь с той или иной календарной системой (церковной, сельскохозяйственной, светской); б) устойчивость сюжетных ситуаций (например, в большинстве святочных рассказов встречаются упоминания о гаданиях и гадающих, различных святочных увеселениях, столкновении с инфернальными силами); в) глубокое эмоциональное воздействие на слушателей.

На протяжении XIX в. жанр литературного календарного рассказа, возникший в последней трети XVIII в., видоизменяется: таинственные происшествия получают логическое объяснение, появляется психологическая мотивировка мистического содержания, значительно удлиняется сюжет, в рассказанных историях обозначаются познавательные цели [Там же. С. 75–76].

В ранних рассказах А. П. Чехова обнаруживается влияние традиции календарной словесности и связанных с календарным циклом фольклорных элементов: таковы святочные гадания, приметы и поверья, способные предсказать дальнейшую судьбу, особые погодные условия (метель, снежный вихрь и завывания ветра), заманивающие путника в логово к нечистой силе. «Календарная» поэтика органично входит в творческое сознание писателя. В некоторых календарных произведениях Чехова прослеживается мотив тайны, который чаще всего реализуется в комическом модусе. В юмореске «Гадальщики и гадальщицы (подновогодние картинки)» (1883) персонажи хотят узнать свою судьбу, прибегая к старинному народному обряду – гаданию, – элементу, который присущ литературному святочному рассказу, быличкам и бывальщинам. Однако мотив таинственности, страха перед столкновением со сверхъестественным сменяется комическим эффектом от увиденного: «Докторша гадает перед зеркалом и видит... гробы. “Что-нибудь из двух, – думает она. – Или кто-нибудь умрет, или у моего мужа в этом году будет большая практика...”» [Чехов, 1974–1982. Т. 1. С. 477]¹.

В сценке «Зеркало» (1885) молодая девушка Нелли в поздний вечер перед Новым годом смотрит в зеркало, пытаясь разглядеть на сером фоне своего суженого. «Суженый для Нелли составляет всё: смысл жизни, личное счастье, карьеру, судьбу. Вне его, как и на сером фоне, мрак, пустота, бессмыслица» (т. 4, с. 271). Ей удается различить лицо и фигуру смутного образа «жениха», однако вместе с тем перед глазами девушки проносится вся ее будущая жизнь с этим человеком: долги, лишения, заложенное имение, болезненные дети, смерть мужа... Девушка страшится такого будущего, поэтому, когда все оборачивается сном, испытывает только чувство облегчения.

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках.

В святочном рассказе «Кривое зеркало» (1883) концепт *ТАЙНА* (включая его дериват «таинственная») становится сюжетобразующим элементом. Зачин загадочной истории с волшебным зеркалом в бронзовой оправе бабушки главного персонажа, в которое старушка любовалась собой дни и ночи напролет и которое даже клала с собой в постель, присущ литературному жанру святочного рассказа. Однако вопреки ожиданиям читателя автор разрушает сложившийся канон «страшного» рассказа, избегая появления нечистой силы, договора с чёртом и других типичных для жанра сюжетных поворотов, демонстрируя читателю в финале семейную идиллию: муж с женой неотрывно смотрятся в тусклое зеркало, так как оно настолько сильно искривило черты лица супруги героя, что та приобрела невообразимую красоту: «Минус на минус дало плюс» (т. 1, с. 480). В другом святочном рассказе – «То была она!» (1886) – мотив тайны (загадочная гостья, явившаяся в ночь перед Рождеством в спальню к герою) раскрывается на бытовом уровне: вместо созданной воображением героя таинственной незнакомки («Тишина стояла, как в могиле, только в соседней зале шуршали мыши и потрескивала разошедшаяся мебель»); «Когда я закрывал глаза, мне казалось, что моя кровать носилась по всему пустому дому и играла в чехарду с духами» (т. 5, с. 484)) в спальню вошла его жена.

Другой источник таинственного для чеховских героев – спиритические сеансы. Л. Г. Петракова замечает, что «в ранней прозе Чехова мистицизм персонажа – объект насмешки. Чаще всего значение тайны преувеличивается персонажами, в частности теми, кто обращается к спиритизму» [Петракова, 2010. С. 30]. Исследовательница анализирует несколько рассказов и юморесок писателя («Гречневая каша сама себя хвалит (нечто спиритическое)» (1883), «Осколки московской жизни» (1884)), в которых она иронически трактует представленный в чеховских произведениях мотив познания мира с помощью гаданий, спиритических сеансов, нумерологии и подобных практик. Действительно, А. П. Чехов отказывался верить в сверхъестественные начала и скептически относился к сторонникам эзотерики, объясняя все загадочные явления посредством логики, что в немалой степени обусловлено знакомством писателя с работами позитивистов и теорией Ч. Дарвина [Головачева, 2001; Гроссман, 1926; Долженков, 1998; Разумова, 2001]. В авторской трактовке фантастические и чудесные явления получают укорененное в действительности обоснование, поэтому мотив познания окружающего мира и его тайн с помощью мистики коррелирует в комическом модусе. Попытаемся обосновать тезис о «неизъяснимости» тайн бытия на материале двух календарных рассказов писателя, в которых речь идет о спиритических сеансах, – «Страшная ночь» (1884) и «Тайна» (1887).

В святочном рассказе «Страшная ночь» некто Панихидин, вернувшись ночью со спиритического сеанса, на котором дух Спинозы предсказал ему скорую кончину, обнаруживает в своей квартире гроб и приходит в ужас, так как верит, что подобное сулит ему неминуемую смерть. Однако загадка разрешается крайне прозаически: один из знакомых героя – хозяин ритуальной конторы – разорился и, желая утаить от описи имущество, состоявшее по большей части из гробов, разослал всем своим приятелям по погребальному «ящичку». Можно согласиться с выводом А. Н. Шехватовой, которая утверждает, что в святочных рассказах А. П. Чехова мотив страха перед смертью, гробами, покойниками, а также другими атрибутами и явлениями загробного мира носит комический характер, равно как и сопряженный с ним мотив тайны [Шехватова, 2003].

В рассказе «Тайна» действительный статский советник Навагин едва не сходит с ума, пытаясь выяснить, что же за «incognito Федюков в последние тринадцать лет аккуратно расписывался каждое Рождество и Пасху» в листе для визитеров (т. 6, с. 148). Интерес к загадочному посетителю только усиливается, так как никто – ни швейцар, ни жена советника, ни сам советник – не знает, как выглядит это Федюков и откуда он взялся. Посодействовать разгадке тайны взялась жена Навагина, которая занималась спиритизмом и «общалась» с потусторонним миром: «Ты вот не веришь, а я говорила и говорю: в природе очень много сверхъестественного, чего никогда не постигнет наш слабый ум! Я уверена, что этот Федюков – дух, ко-

торый тебе симпатизирует... На твоём месте я вызвала бы его и спросила, что ему нужно» (т. 6, с. 149).

Навагин две недели мучился и пытался умерить свой скептицизм относительно вопросов общения с потусторонним миром, а затем покорился воле супруги и предался постижению оккультных наук. Статскому советнику настолько понравилось новое занятие, что «по целым дням он, к великому удовольствию своей супруги, читал спиритические книги или же занимался блюдечком, столоверчениями и толкованиями сверхъестественных явлений» (т. 6, с. 150). Рассказ оканчивается комически: «загадочным» Федюковым оказывается вполне реальный дьячок, знакомый Навагина, встреча с которым сначала ошарашивает чиновника, а затем приводит его в негодование. Тайна оказывается столь прозаической, что вера сановника в сверхъестественные силы рушится.

А. П. Чехов скептически относился также к приметам и народным поверьям, якобы позволяющим узнать судьбу гадающего. Л. Г. Петракова указывает, что стойкая тяга персонажей к чуду, к таинственному является не чем иным, как знаком «жизненной неустойчивости, психологического комплекса, когда отсутствие полной жизни порождает псевдозагадки, разрушающие жизнь человека и способные привести к трагедии» [Петракова, 2010. С. 43]. Так, в рассказе «Шампанское» (1887) за новогодним столом герой выронил бутылку с шампанским, чем немало опечалил свою жену – ведь это плохая примета: «Это значит, что в этом году с нами случится что-нибудь недоброе» (т. 6, с. 14). Недоброе действительно случилось: герой увлекся неожиданно прибывшей на встречу Нового года тетей жены, бросил супругу, оставил свое место, однако настоящая трагедия произошла задолго до казуса со злополучной бутылкой с игристым напитком – герой женился не по любви, его молодость «погибла ни за грош, как ненужный окурок» (т. 6, с. 14). Родители героя давно умерли, и теперь нет у него «ни приюта, ни близких, ни друзей, ни любимого дела» (т. 6, с. 14). Стоит ли объяснять все неудачи в жизни исключительно приметами, не задумываясь о своих поступках и их последствиях? Автор ищет источник несчастья в самом человеке, его безответственности и слабости.

Таким образом, в раннем творчестве А. П. Чехова мотив тайны, отчасти возникший ввиду наличия устойчивых фольклорных образов и мотивов в мироощущении писателя [Семанова, 1996. С. 110], связан с попыткой посредством логического объяснения развенчать веру в существование мистических и необъяснимых явлений, которые то и дело происходят с персонажами календарных рассказов. В развязке подобных произведений «чертовщинка» обращается обыденщиной, вера в духов и приметы высмеивается, а персонаж оказывается в неловком положении из-за своей склонности считать приметы и предрассудки окончательной истиной.

На рубеже 1886–1887 гг. творческий метод А. П. Чехова претерпевает изменения. По суждению Б. П. Зайцева, после выхода сборника «Пестрые рассказы» (1886), собственно, «и начинается “Чехов”» [Зайцев, 1999. С. 392]. Сборник приносит писателю успех; он прекращает тесное сотрудничество с юмористическими журналами («Осколки», «Будильник», «Стрекоза» и др.), обращается к «серьезной» газете «Новое время», главным редактором которой был А. С. Суворин – человек, чья близость была для Чехова «очень полезная и внутренне (письма к Суворину – самое интересное в его переписке) и внешне: выдвигала его литературно» [Там же].

Для нашего исследования представляется важным не столько упрочение творческой репутации писателя в этот период, сколько появление в его произведениях лирической интонации и психологического анализа. С. Я. Сендерович замечает, что в 1886–1887 гг. произошло рождение нового чеховского рассказа, в котором писатель стремился «к осмыслению, проникновенному и положительному усмотрению сути явлений окружающего мира» [1994. С. 40]. В связи с этим мотив тайны выходит на новый, онтологический уровень, оставляя позади сопряженность с обыденностью, бытовым планом и юмористическим началом. Ярким примером трансформации творческого метода писателя можно считать известный рассказ «На пути» (1886), действие которого разворачивается в канун Рождества.

На первый взгляд, «На пути» кажется типичным святочным литературным рассказом, образцы которого представлены в ранних юмористических произведениях А. П. Чехова («Ночь на кладбище» (1886), «Сон» (1885), «Восклицательный знак» (1885) и др.). Так, в нем соблюдены формальные признаки жанра: календарная приуроченность, таинственное появление нового постояльца в «проезжающей» посреди бушующей метели (согласно фольклорной традиции, метель чрезвычайно опасна для человека, особенно в период святок, так как в снежном вихре беснуется нечистая сила [Зиновьев, 1987]), колядование «со звездой», надежда на счастливый финал (мотив чуда). Однако в этом рассказе формула календарного рассказа видоизменяется. Таинственным гостем оказывается не сверхъестественное существо, а барышня, вынужденная остановиться на ночлег из-за непогоды. Колядки ряженных тематически отличаются от веселых святочных песнопений с пожеланиями здоровья, удачи и счастья (в рассказе героиня из всей песни слышит только куплет об убийстве жида). Коренное отличие сюжета рассказа от сюжетной формулы святочного жанра заключается в утрате надежды на светлое будущее – если к середине произведения читатель верит, что жизнь героев может сложиться по-другому благодаря возникающему любовному чувству, то в финале выясняется, что их дороги расходятся и надежды на счастье (по крайней мере, для главного героя) нет. Мотив чуда, один из главных в рождественском календарном комплексе, и вовсе не воплощается – в потемках героине мир только *кажется* «фантастичным, полным чудес и чарующих сил», наутро же впечатление, произведенное попутчиком, как и сказочность, таинственность мироздания, рассеивается (т. 5, с. 474).

Чехов обманывает жанровые ожидания читателей, полностью обновляя жанр святочного рассказа, что позволяет ему, по мнению С. Я. Сендеровича, «бросить взгляд в самый корень», т. е. затронуть важный аспект духовной жизни русского человека [1992. С. 43]. Автор вводит в рассказ «литературоцентричную» исповедь главного героя рассказа – Григория Петровича Лихарева, пытающегося приблизиться к разгадке тайны смысла жизни: в его жизнеописании повторяется и рудинский мотив энтузиазма без прочного дела, и печоринский (шире – романтический) мотив скитальчества...

Лихарев объясняет случайной попутнице – барышне Марии Михайловне Иловайской, которая из-за метели вынуждена провести ночь в спальном кабинете трактира вместе с героем и его больной дочерью Сашей, – что в его душу «природа вложила необыкновенную способность верить. Полжизни я состоял, не к ночи будь сказано, в штате атеистов и нигилистов, но не было в моей жизни ни одного часа, когда бы я не веровал» (т. 5, с. 468). Новым предметом страстного увлечения героя были женщины, он пытался понять их роль и предназначение, смысл жизни, который, по его мнению, заключался «именно в этом безропотном мученичестве, в слезах, которые размягчают камень, в безграничной, всепрощающей любви, которая вносит в хаос жизни свет и теплоту...» (т. 5, с. 472).

Иловайскую, горячо верующую девушку, поразила страстность и убежденность речи Лихарева: «Жестикуюлируя, сверкая глазами, он казался ей безумным, исступленным, но в огне его глаз, в речи, в движениях всего большого тела чувствовалось столько красоты, что она, сама того не замечая, стояла перед ним как вкопанная и восторженно глядела ему в лицо» (т. 5, с. 473). Героиня поняла, что Лихарев – натура беспокойная и деятельная, которая отдается делу всей душой. Он способен любить, жертвовать собой и горячо веровать. Заметим, что этих «вер» у него много: он попеременно верит в науку, позитивизм, нигилизм, славянофильство т. п. Однако никогда вера героя в то или иное учение не успевает заостряться и остыть. Лихарев не просто горячо верит в то, что проповедует сам, но и ведет за собой других (в развязке рассказа искушению последовать за ним, как это делали жена и другие женщины, «не спрашивая, не рассуждая», едва не поддалась разумная и осторожная Иловайская) (т. 5, с. 477).

Душа Лихарева «пылает» своей верой, своими идеями. И в этой способности духа русского человека так неистово верить и заключается, по мнению автора, тайна смысла жизни: «Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд верований и увлечений, а неверия или отрицания она еще, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русский человек не верит

в Бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое» (т. 5, с. 468). Голос героя сливается с голосом самого А. П. Чехова. Таким образом, в анализируемом рассказе мотив тайны раскрывается уже в ином ключе: писатель пытается приблизиться к разгадке бытийного существования человека, понять, какими нравственными доминантами руководствоваться, чтобы достойно пройти жизненный путь.

Мотив тайны прослеживается во многих календарных произведениях А. П. Чехова, созданных в 1883–1887 гг. Если в ранних рассказах этот мотив, в основном, связан с комическим и бытовым началами и опровергает существование сверхъестественных сил в действительности, то начиная с рассказа «На пути», относящегося к переходному этапу творчества писателя, этот мотив ложится в основу психологического конфликта. Комплекс проблем, среди которых выделяются проблемы выбора, веры в идеал, отказа от быта, жертвы и самоотречения, определяет ведущую проблематику тем зрелого творчества А. П. Чехова.

Список литературы / References

- Головачева А. Г.** Спенсер и Чехов // Литература: еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2001. № 18. С. 12.
Golovacheva A. G. Spencer i Chekhov. *Literatura: ezhenedelnoye prilozheniye k gazette «Pervoe sentyabrya»*. Moscow, 2001, no. 18, p. 12. (in Russ.)
- Гроссман Л. П.** Натурализм Чехова // От Пушкина до Блока: Этюды и портреты. М., 1926. 294 с.
Grossman L. P. Naturalism Chehova. In: *Ot Pushkina do Bloka: etyudy i portrety*. Moscow, 1926, 294 p. (in Russ.)
- Душечкина Е. В.** Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 258 с.
Dushechkina E. V. Russkiy Svyatochnyi rasskaz: stanovleniye zhanra. St. Petersburg, SPbSU Publ., 1995, 258 p. (in Russ.)
- Долженков П. Н.** Чехов и позитивизм. М.: Диалог-МГУ, 1998. 205 с.
Dolzhenkov P. N. Chekhov i pozitivizm. Moscow, Dialog-MSU, 1998, 205 p. (in Russ.)
- Зайцев Б. К.** Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов. Литературные биографии / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Д. Романенко. М.: Дружба народов, 1999. 544 с.
Zaitsev B. K. Zhukovskiy. Zhizn' Turgeneva. Chekhov. Literaturnye biografii. Prep. by A. D. Romanenko. Moscow, Druzhba narodov Publ., 1999, 544 p. (in Russ.)
- Зиновьев В. П.** Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 381–400.
Zinoviev V. P. Bylichka kak zhanr fol'klora i ee sovremennye sud'by. In: *Mifologicheskie rasskazy naseleniya Vostochnoj Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1987, p. 381–400. (in Russ.)
- Петаркова Л. Г.** Художественная семантика межтекстовых связей в творчестве А. П. Чехова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2010. URL: <https://dvs.rsl.ru/NSU/Vtr/SelectedDocs?docid=/rsl0100400000/rsl01004879000/rsl01004879241/rsl01004879241.pdf> (дата обращения 30.08.2018).
Petarkova L. G. Khudozhestvennaya semantika mezhtextovykh svyazey v tvorchestve A. P. Chekhova: Dis. ... kand. filolog. nauk: 10.01.01. Voronezh, 2010. URL: <https://dvs.rsl.ru/NSU/Vtr/SelectedDocs?docid=/rsl0100400000/rsl01004879000/rsl01004879241/rsl01004879241.pdf>. (in Russ.)
- Разумова Е. Н.** К вопросу о мировоззрении Чехова // Вестник ТГПУ. 2001. Вып. 1 (26). С. 29–34.
Razumova E. N. K voprosu o mirovozzrenii Chekhova. *Vestnik TSPU*, 2001, no. 1 (26), p. 29–34. (in Russ.)
- Семанова М. Л.** Современное и вечное (Легендарные сюжеты и образы в произведениях Чехова) // Чеховиана: статьи, публикации, эссе. М.: Наука, 1996. С. 109–123.
Semanova M. L. Sovremennoe i vechnoe (Legendarnye syuzhety i obrazy v proizvedeniyah Chekhova). In: *Chekhoviana: stat'i, publikacii, ehssse*. Moscow, Nauka, 1996, p. 109–123. (in Russ.)
- Сендерович С. Я.** Чехов – с глазу на глаз: История одной одержимости А. П. Чехова: Опыт феноменологии творчества. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1994. 288 с.
Senderovich S. Ya. Chekhov – s glazu na glaz: istoria odnoi oderzhimosti A. P. Chehova: opyt fenomenologii tvorchestva. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1994, 288 p. (in Russ.)

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1982. Т. 1. 608 с.; Т. 4. 552 с.; Т. 5. 704 с.; Т. 6. 736 с.

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. Moscow, Nauka, 1974–1982; vol. 1, 608 p.; vol. 4, 552 p.; vol. 5, 704 p.; vol. 6, 736 p. (in Russ.)*

Шехватова А. Н. Мотив в структуре Чеховской прозы: Дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. СПб., 2003. URL: <https://dvs.rsl.ru/NSU/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01002000000%2Frsl01002615000%2Frsl01002615784%2Frsl01002615784.pdf> (дата обращения 17.08.2018).

Shehvatova A. N. *Motiv v strukture Chekhovskoy prozy: Dis. ... kand. filolog. nauk: 10.01.01. St. Petersburg, 2003. URL: https://dvs.rsl.ru/NSU/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01002000000%2Frsl01002615000%2Frsl01002615784%2Frsl01002615784.pdf (in Russ.)*

Шмелев И. С. Творчество А. П. Чехова // Русская речь. 1995. № 1. С. 51–61.

Shmelev I. S. *Tvorchestvo A. P. Chekhova. Russkaya rech, 1995, no. 1, p. 51–61. (in Russ.)*

Материал поступил в редколлегию

Received

18.10.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Козлова Яна Олеговна, аспирант второго года обучения Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Yana O. Kozlova, PhD, student of the second year Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

aworknsk@yandex.ru